

БОЕВАЯ ВАХТА ФРАУ МАРЛЕН

Выставка «Марлен Дитрих». Галерея Нащокина

«Я очень дисциплинирована. Меня просто бесит, когда кто-то не может нормально работать». Каждая фраза, отчеканенная когда-то Дитрих в ее последнем часовом интервью, перекликается с историями ее фотографий. «Штернберг взял меня на роль в «Голубом ангеле», потому что мне было абсолютно все равно, возьмут меня или нет. Это его заинтриговало».

О ней написаны сотни книг (только при ее жизни вышло 50 биографий, большую часть которых, по признанию самой Дитрих, она так и не открыла). Но даже книга дочери Марии Рива, самая жесткая и откровенная, с долгим описанием подробностей сексуальной жизни, физических и моральных изъянов матери, ничего не прибавила и не убавила от символа, имя которому — Марлен.

Выставка, проводимая Галереей Нащокина совместно с журналом «Киносценарии», посольствами Америки и Франции и множествем спонсоров, как раз вращается вокруг этого символа. Ее трудно назвать биографической, хотя все здесь подобрано для местечко-

вого дома-музея: череда фотографий по датам и личные вещи, сохраненные секретаршей Дитрих Нормой Башке — платье, шляпа, коробки, пара туфель. Тут же демонстрируется фильм с тем самым интервью. Впору водить детские экскурсии.

И вместе с тем экспозиция выбивается из жанра «ЖЗЛ». Здесь нет ничего от жизни, все из сферы чистого искусства. Странно, как при всей своей откровенности в высказываниях Дитрих сопротивляется разглядыванию. Фотографы, с которыми она работала, оказывались не более чем исполнителями ее же заказа: будь то Сесиль Беатон, Эдвард Штейкен, Ласло Вингер или Рэй Джонс, она каждому навязывала свои идеи (полный фас, свет сверху, заученная поза, необходимая ретушь). Надевала маску женщины-вамп, разыгрывала фотоспектакль, где она — дисциплинированный солдат на голливудском фронте. С той только разницей, что после боевой вахты отдыха не предвидится. Эту самую маску приходится нести и в реальной жизни. Даже на пикниках, когда все

вокруг расслаблены, фрау Дитрих работает на камеру. Воплощает привычную для себя схему: слава, триумф, капитуляция.

Образ Дитрих часто противопоставляют Мэрилин Монро. Мэрилин олицетворяет простонародную (если не мещанскую) и доступную Америку, Марлен — холодную и изысканно-порочную Европу. В ней присутствует та отстраненность, которая в одном случае обрачивается личностным шармом, в другом — безликой манерностью. О последнем писал Карл Зембах: «Судьба современной Галатеи сложилась диаметрально противоположно судьбе ее древнего прототипа: любовь не оживила прекрасную статую, а сотворила искусственный предмет из живой плоти». (Очень уж ему не нравились искусственные брови.)

Как бы то ни было, Дитрих не в меньшей, а даже в большей степени, чем Монро, дитя Голливуда. С той только разницей, что она — дитя, гордящееся своей родословной и обратившая этот мифический аристократизм в киношную интригу.

Иван АКРИДОВ

Взр. кат. - 1999. - 13 нояб. 97